
Преследовать в судебном порядке и обеспечивать судебное преследование лиц, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права

Размышления о задачах
международных уголовных трибуналов
и средствах их выполнения

Сирил Лауччи

Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии (МУТЮ) и по Руанде (МУТР) были учреждены соответственно в 1993¹ и 1994 гг.² Целью их создания было привлечение к ответственности лиц, подозреваемых в совершении серьезных нарушений международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии, начиная с 1991 г., и в Руанде в 1994 г. За время своего

Сирил Лауччи, в настоящее время преподаватель и научный сотрудник юридического факультета университета Экс-ан-Прованс – Марсель III. Статья написана на французском языке.

существования Трибуналы выдавали ордера на арест, выносили обвинительные заключения, решения по процессуальным вопросам в первой инстанции и в порядке апелляции и даже судебные постановления, что в целом внесло заметный вклад в развитие международного гуманитарного права³.

При всей несомненной важности уже сделанного, приходится признать, что работа обоих трибуналов еще далека от завершения. По состоянию на конец декабря 2000 г. МУТЮ довел до конца всего пять дел⁴, а МУТР — три⁵. Многие обвиняемые в настоящее время содержатся под стражей до начала судебного разбирательства. Таких 34 в МУТЮ и 35 в МУТР. Некоторых даже пришлось временно освободить, так как МУТЮ не мог обеспечить открытие процесса в разумные сроки⁶, и не известно, сколько фигурантов по делам, которые будут разбираться в обоих трибуналах, так и не были арестованы⁷.

Приведенные цифры достаточно наглядно иллюстрируют масштаб задач, которые еще предстоит выполнить международным уголовным трибуналам. При сохранении нынешних темпов рассмотрения дел для их выполнения потребуются годы, а может, и десятилетия, даже при условии, чрезвычайно маловероятном, что трибуналы впредь воздержатся от новых арестов. Конечно, торопиться им некуда, поскольку к преступлениям, на ко-

1 Совет Безопасности, резолюция 827 от 25 мая 1993.

2 Совет Безопасности, резолюция 955 от 8 ноября 1994 г.

3 Существует несколько хроник деятельности обоих международных уголовных трибуналов. См., в частности, H. Ascensio/R. Maison. *Annuaire Français de Droit international*; A. M. La Rosa/F. Patel King. *European Journal of International Law*; C. Laucci. *L'Observateur des Nations Unies*.

4 Дражен Эрдемович, Драган Папич (оправдан), Душко Тадич, Златко Алексовски и Анто Фурунджия. 11 дел рассматриваются в порядке апелляции.

5 Жан Камбанда, Жорж Руггиу и Омар Серушаго. Другие дела, в том числе Клемента Кайишемы и Жана-Поля Акайесу, рассматриваются в порядке апелляции. Слушания по ним начались 30 октября и 1 ноября 2000 г.

6 Зейнил Делалич был оправдан и освобожден 16 ноября 1998 г., однако ожидается рассмотрение его дела в апелляционном порядке. Симо Зарич и Мирослав Тадич были временно освобождены 19 апреля 2000 г., а Милан Симич — 7 июня 2000 г.

7 Поскольку некоторые обвинительные заключения не оглашались, невозможно с уверенностью назвать число обвиняемых для обоих трибуналов.

торые распространяется их юрисдикция, не применяется срок давности. К тому же в резолюциях ООН, согласно которым были учреждены оба трибунала, не устанавливается никакого временного предела для их деятельности. Однако в связи с этой ситуацией все же возникает целый ряд проблем. Одна из них заключается в высокой стоимости функционирования обоих трибуналов. Так, только в 2000 г. обычный бюджет МУТЮ и МУТР составил примерно 96 и 80 миллионов долларов соответственно, и цифры эти постоянно растут⁸. В 2001 г. также ожидается значительное увеличение расходов на их содержание в связи с осуществлением мер, предусмотренных резолюцией 1329 Совета Безопасности от 30 ноября 2000 г., которая для ускорения прохождения дел подняла число постоянных судей в обоих трибуналах до 16 и учредила группу судей *ad litem*, назначаемых для участия только в одном конкретном процессе.

Эти недавно принятые меры отражают беспокойство Совета Безопасности и международного сообщества относительно медлительности производства в Международных уголовных трибуналах и расходов, порождаемых продлением их деятельности на неопределенное время. Причем их «долгожительство» в известной степени ставит под вопрос саму идею создания международных судебных инстанций для рассмотрения уголовных дел. Особый трибунал по Сьерра-Леоне, возможность учреждения которого рассматривалась Советом Безопасности в резолюции 1315 от 14 августа 2000 г., вполне может не состояться из-за бюджетных трудностей. В самом деле, Совет Безопасности предусматривает финансирование исключительно на основе добровольных взносов государств, межправительственных и неправительственных организаций. Нереалистичность этой идеи подчеркнул Генеральный секретарь ООН в своем докладе о создании данного трибунала⁹.

⁸ Например, обычный бюджет МУТЮ составил 276 тыс. долларов в 1993 г., 10 млн 800 тыс. долларов в 1994 г., 25 млн 300 тыс. в 1995 г., 35 млн 430 тыс. 622 доллара в 1996 г., 48 млн 587 тыс. долларов в 1997 г., 647 млн 775 тыс. 300 долларов в 1998 г., 94 млн 103 тыс. 800 долларов в 1999 г.

⁹ Doc. S/2000/915, 4 octobre 2000.

Речь идет не просто о вопросе из разряда бюджетных, а о самом принципе создания новых международных судебных учреждений по уголовным делам. Все это внушает серьезное беспокойство, особенно учитывая, что практическое создание Международного уголовного суда еще рано считать свершившимся фактом, поскольку требуемый порог в 60 ратификаций пока далеко не достигнут. В связи с трудно поддающейся решению проблемой медлительности международных судебных учреждений по уголовным делам, и, следовательно, высокой стоимостью их функционирования, возникает необходимость серьезно продумать вопрос об их роли (преступников какой категории им следует судить в первую очередь?), подсудности серьезных нарушений международного гуманитарного права национальным и международным инстанциям и о той части работы по их пресечению, которая может быть поручена судебным учреждениям некоторых государств.

Особым судам – особым преступников

Международные судебные учреждения по уголовным делам всегда носили чрезвычайный характер и создавались вследствие совершения преступлений особой тяжести, на которые и реагировать надлежало выходящим за рамки обычного образом в плане санкций в отношении лиц, несущих основную ответственность за них. Однако международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде частично отошли от этой традиции, возбуждая уголовные дела и против второстепенных исполнителей, что не остается без последствий для пресечения нарушений на национальном и международном уровнях.

Традиционные рамки пресечения, осуществляемого международными судебными учреждениями по уголовным делам

Исторические прецеденты ныне действующих трибуналов достаточно немногочисленны и потому широко известны. Отметим, что во всех без исключения случаях речь шла о пресечении чрезвычайно тяжких преступлений, будь то *преступления против мира* (осуждение в Неаполе в 1268 г. Конрадина фон Гогенштауфена за развязывание несправедливой войны; постановле-

ние, вынесенное в 1810 г. в Ахене, согласно которому Наполеон I был лишен свободы за развязывание войн, которые нарушили мир на Земле; статья 227 Версальского договора от 1919 г. о предании кайзера Вильгельма II суду международного трибунала; статья 6 а) Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге ...) или *серьезные нарушения права вооруженных конфликтов* (осуждение Петера фон Гагенбаха в Брайзахе в 1474 г. трибуналом, состоящим из 22 судей, представителей союзных государств Священной Римской империи, за преступления против «божественных и человеческих установлений»; санкции, принятые в 1689 г. в отношении графа Розена за жестокую осаду Лондондерри; статья 227 Версальского договора; статья 230 Севрского договора, которая предусматривала предание суду высших должностных лиц Оттоманской империи за массовую резню армянского населения; статья 6 b) и c) Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге ...) ¹⁰.

Деяния, к которым относятся эти прецеденты, всегда были преступлениями, совершаемыми в очень широких масштабах с участием сотен или даже тысяч людей. В то же время пресечение в каждом из этих случаев осуществлялось в отношении одного лица — Конрадина фон Гогенштауфена, графа Розена, Наполеона I, Вильгельма II — или нескольких лиц — высших должностных лиц оттоманского правительства, двадцати четырех «главных военных преступников» в Нюрнберге ¹¹ и двадцати восьми других «главных военных преступников» в Токио ¹².

Как же поступали с другими лицами, которые не были инициаторами этих преступлений, но участвовали в их соверше-

10 M.C. Bassiouni. Le droit pénal international: son histoire, son objet, son contenu. – *Revue internationale de droit pénal*, 1981, pp. 41-82; in S. Szurek, H. Ascensio/E. Decaux/A. Pellet (éd.), *Droit international pénal*, Paris, Pedone, 2000, pp. 7-22.

11 Из 24 человек, фигурировавших в списке обвиняемых, судили двадцать два. Девятнадцать из них были признаны ви-

новными. Круппа фон Болен унд Гальбаха не судили по состоянию здоровья, а Лей покончил жизнь самоубийством до начала процесса.

12 Из двадцати восьми обвиняемых, которые были в списке, двое скончались во время процесса и в отношении еще одного приговор не был вынесен из-за состояния его психики.

нии? В последних по времени прецедентах, которыми являются статьи 228 и 229 Версальского договора и положения, касающиеся пресечения преступлений, совершенных во время Второй мировой войны, таких лиц признавали подсудными национальным судебным инстанциям. Создавались и специальные судебные учреждения¹³. Таким образом, в области пресечения сложилось своего рода разделение труда между международными судебными инстанциями, которые занимались только главными преступниками, и национальными судами, перед которыми представляли преступники рангом пониже, также участвовавшие в совершении злодеяний.

Именно национальные судебные учреждения, юрисдикция которых была, так сказать, остаточной, пропустили через себя подавляющее большинство обвиняемых. Так, например, только через специальные военные трибуналы, созданные после Второй мировой войны в оккупационных зонах Германии, по имеющимся сведениям прошло примерно 15 тысяч человек¹⁴. С 1945 г. по 1948 г. 809 процессов по делам о преступлениях, совершенных во время войны, состоялись в США, 524 – в Великобритании, 256 – в Австралии, 254 – во Франции...¹⁵. Наибольшее число дел было рассмотрено германскими судами. По данным некоторых авторов, перед судами Федеративной Республики Германия с 1945 г. по 1988 г. предстало более 91 тысячи человек¹⁶.

13 Например, специальные военные трибуналы, учрежденные на основе Закона № 10, изданного Контрольным советом союзников для Германии. Н. Meyrowitz. *La répression par les tribunaux allemands des crimes contre l'humanité et de l'appartenance à une organisation criminelle*, L.G.D.J. – Bibliothèque de Droit international. Paris, 1960, pp. 488-493, а также Военные комиссии союзников для Дальнего Востока.

14 Приблизительно 10 тыс. дел были рассмотрены трибуналами советской окку-

пационной зоны, 2107 – трибуналами французской зоны оккупации, 1814 – трибуналами американской зоны и 1085 – трибуналами британской зоны. См. М.С. Bassiouni, *op. cit.* (примечание 10), p. 57.

15 *Ibid.*

16 А. Marschik. *The Politics of Prosecution: European National Approaches to War Crimes*, T.L.H. McCormack/ G.J. Simpson (éd.). *The Law of War Crimes*, Kluwer Law International, La Haye/ Londres/ Boston, 1997, pp. 74-77.

Новое понимание задач Международных уголовных трибуналов

В Уставах Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде нигде не указано, что им должны быть подсудны только «главные преступники». Ничего не говорится о таком ограничении в резолюциях Совета Безопасности об учреждении этих Трибуналов и в докладах Генерального секретаря ООН, посвященных этому вопросу.

Однако не вполне ясно, как можно серьезно рассчитывать на то, что эти два трибунала, насчитывавшие изначально по одиннадцать судей каждый, будут в состоянии своими силами рассмотреть, причем также и в порядке апелляции, все дела десятков тысяч лиц, участвовавших в преступлениях, которые были совершены в Югославии и Руанде. Перед каждым из этих трибуналов смогут предстать лишь несколько человек, остальных же будут судить национальные судебные инстанции, за которыми статья 9 Устава МУТЮ и статья 8 Устава МУТР признают параллельную юрисдикцию. Хотя такое ограничение нигде не прописано в Уставах, его необходимость самоочевидна.

Таким образом, мы установили, что лишь несколько человек смогут предстать перед Трибуналами по бывшей Югославии и по Руанде в связи с преступлениями, отнесенными к их юрисдикции. Посмотрим теперь, на основании каких критериев должен производиться отбор среди потенциальных обвиняемых. Казалось бы, отсутствие в Уставах обоих Трибуналов указания на то, что их юрисдикция ограничивается одними лишь главными преступниками, именно в этом пункте должна создавать наибольшие проблемы. Однако это не так. Наоборот, присутствие в Уставе такого ограничения непременно породило бы в каждом конкретном случае бесконечные споры о том, можно ли считать «главным преступником» того или иного обвиняемого. Причем понятие это неопределимо в принципе. Так что отсутствие такого ограничения в Уставе дает органам Трибуналов, ведающих привлечением различных лиц к суду в качестве обвиняемых, полную свободу в оценке целесообразности уголовного преследования.

Устав наделяет этим полномочием Обвинителя¹⁷ и, в меньшей степени, судью, который утверждает обвинительное заключение¹⁸.

Следовательно, отбор лиц, которые должны быть подвергнуты судебному преследованию Международными уголовными трибуналами, производится на основе простого критерия целесообразности. Такой подход соответствует принципу целесообразности уголовного преследования, лежащему в основе всех национальных уголовных систем¹⁹. Критерий целесообразности по определению не выводим из правовой нормы, что означает невозможность оспорить решения, которые Международные уголовные трибуналы избирают в этой области. Однако позволительно высказать несколько замечаний по поводу видения этими учреждениями роли международного правосудия по уголовным делам, практическим воплощением которой они являются, а также о последствиях избираемых ими решений для их деятельности, в том числе в плане их нынешней перегрузки.

Первыми лицами, задержанными в целях предания суду Международного трибунала по бывшей Югославии, были Душко Тадич, председатель местного комитета сербской Демократической партии в муниципалитете Козарач (задержан в феврале 1994 г. в Германии, передан в распоряжение Трибунала 24 апреля 1995 г.); генерал Джорде Джукич из Главного штаба сербской армии в Боснии (задержан в Боснии и Герцеговине и передан в рас-

17 Обвинитель Международного трибунала по бывшей Югославии является также Обвинителем Международного трибунала по Руанде, но он имеет дополнительного заместителя Обвинителя для оказания помощи при судебном преследовании лиц в Международном трибунале по Руанде (статья 15 Устава Международного трибунала по Руанде).

18 В самом деле, судья может либо подтвердить либо отклонить обвинительное заключение, ничего в нем не меняя. Однако он вправе и отсрочить принятие решения по этому вопросу с тем, чтобы Обвинитель мог внести изменения в обвини-

тельное заключение, или запросить у последнего дополнительные доказательства. См. С. Laucci, in Ascensio *et al.*, *op. cit.* (примечание 10), pp. 757-762.

19 При этом у данного принципа могут быть определенные нюансы, например, в странах, где предъявление гражданского иска обязывает прокуратуру возбудить уголовное дело. См. J. Pradel. *Droit pénal comparé*. Dalloz, Paris, 1995, pp. 477-481. Аналогичным образом обстоит дело, когда международное право обязывает национальные судебные инстанции подвергать преследованию либо выдавать лиц, совершивших определенные преступления.

поряжение Трибунала 12 февраля 1996 г.²⁰), Горан Лаич, охранник в лагере Кератерм (задержан в Германии 18 марта 1996 г., передан в распоряжение Трибунала в мае 1996 г.²¹); генерал Тихомир Блашкич, командующий оперативной зоной Центральная Босния в вооруженных силах хорватского Совета обороны (добровольно явился в Трибунал 1 апреля 1996 г.); Зейнил Делалич, командующий 1-ой тактической группой боснийской армии, ответственный за координацию боснийских мусульманских и хорватских сил в районе Конича (задержан в Германии 18 марта 1996 г., передан в распоряжение Трибунала 8 мая 1996 г.), Здравко Мусич, начальник лагеря Челебичи (задержан в Австрии 18 марта 1996 г., передан в распоряжение Трибунала 9 апреля 1996 г.); Хазим Делич, заместитель начальника лагеря Челебичи, и Эсад Ландзо, охранник лагеря Челебичи (обоих правительство Боснии и Герцеговины передало в распоряжение трибунала 13 июня 1996 г.).

Данный перечень дает основание для двух замечаний. Во-первых, Трибунал по бывшей Югославии привлекает к ответственности лиц, принадлежавших к различным сторонам, участвовавшим в югославском конфликте: из девяти задержанных четверо — Тадич, Джукич, Лаич, Эрдемич — воевали на стороне сербов; еще четверо — Делалич, Мусич, Делич и Ландзо — были в босняцком лагере; один — Блашкич — участвовал в конфликте на стороне хорватов. Действуя таким образом, Трибунал стремится обеспечить беспристрастное и нейтральное правосудие и дает понять, что вовсе не считает, что одна из сторон несет особую ответственность за совершенные преступления. Кроме этого, задержанные лица представляют все уровни военной и гражданской иерархии. Среди них есть простые исполнители (Лаич, Эрдемич, Ландзо), лица из состава низших эшелонов гражданской (Тадич) и военной (Делич) администрации, а также представители генералитета (Дьюкич, Делалич, Мусич, Блашкич). К суду в качестве обвиняемых были привлечены и другие высокопоставленные гражданские чиновники, в том числе Милан Мартич, Радован Караджич, а

²⁰ Генерал Джукич умер от болезни 18 мая 1996 г.

²¹ Горан Лаич был в конечном счете освобожден потому, что при установлении его личности была допущена ошибка.

затем и Слободан Милошевич. Посредством возбуждения уголовного преследования в отношении представителей всех эшелонов власти Трибунал стремится выявить различные уровни ответственности за совершение серьезных нарушений международного гуманитарного права. Однако, возбудив уголовные дела в отношении лиц, которые принадлежали ко всем противоборствующим сторонам и служили во всех звеньях военной и гражданской администрации, Трибунал включает в круг потенциальных обвиняемых всех без изъятия лиц, причастных к преступлениям, совершенным в бывшей Югославии.

Только на втором этапе Обвинитель обоих Международных уголовных трибуналов сделал политику в области уголовного преследования более остро направленной. Прокурор Луиза Арбур постепенно сконцентрировала деятельность вверенных ей служб, так сказать, на «ловле крупной рыбы», то есть на преследовании самых высокопоставленных должностных лиц.

Преимущественное преследование высших должностных лиц с самого начала было положено в основу уголовной политики Обвинителя в Трибунале по Руанде. Первая волна обвинительных заключений, вынесенных Канцелярией Обвинителя, пришла на 1996 г. Они были выданы в отношении членов правительства Руанды (Андре Нтагеруры, Элиезера Ниюитегеки) и высокопоставленных гражданских чиновников (префекта Кибуге Клемана Кайишема) и членов военного руководства (полковника Теонеста Багосоры, начальника канцелярии министра обороны, и подполковника Анатоля Нсенгиюмвы). Среди обвиняемых были и участники преступлений, занимавшие менее видное положение: бургомистры, в том числе Жан-Поль Акаесу, муниципальные советники, члены экстремистских партий, священник... Хотя и здесь привлечение должностных лиц низовых звеньев к суду в качестве обвиняемых отражает желание выявить уровень участия в геноциде, все же в первую очередь преследуются самые высокопоставленные чиновники. Свой второй по счету обвинительный приговор Международный трибунал по Руанде вынес 4 сентября 1998 г. в отношении премьер-министра временного правительства Руанды Жана Камбанды.

Что касается Трибунала по бывшей Югославии, там ориентация уголовной политики Обвинителя в сторону первоочередного преследования самых высокопоставленных должностных лиц произошла позднее. Луиза Арбур решила снять обвинения, выдвинутые против четырнадцати лиц. Эта мера была принята после пересмотра обвинительных заключений, вынесенных в отношении обвиняемых, которые еще не были задержаны. Луиза Арбур определила задачу как «первоочередное преследование лиц, занимающих самое высокое служебное положение, а также лиц, которые сами совершили особо жестокие или самые серьезные нарушения. (...) На этой стадии невозможно организовать одновременное и раздельное рассмотрение большого количества дел о нарушениях, совершенных лицами, которых могут надлежащим образом судить другие инстанции, такие, например, как национальные суды»²².

Таким образом, оба Международных уголовных трибунала лишь частично вписались в традицию, установленную ранее создававшимися международными судебными учреждениями по уголовным делам. Трибуналы в первую очередь подвергают судебному преследованию высших должностных лиц, и это логично. Как подчеркнула Комиссия международного права ООН, «Высокое должностное лицо, которое организует, разрешает или приказывает совершить такие преступления либо подстрекает к их совершению не только предоставляет материальные средства и исполнителей для совершения преступления, но и злоупотребляет властью и полномочиями, которыми оно было наделено. Следовательно, можно считать, что оно виновно даже более, чем его подчиненный, ставший непосредственным исполнителем преступного деяния»²³. Трибунал по Руанде исходил из тех же соображений в постановлении по делу Камбанды. Там указано, что обвиняемый «злоупотребил данной ему властью и доверием гражданского на-

²² Фрагмент заявления, сделанного Луизой Арбур после отказа от обвинений, *Bulletin*, n° 21, p. 4.

²³ Commission du droit international, *Rapport*, 1996, p. 57.

селения» и что «злоупотребление властью и доверием обычно рассматривается какотячающее обстоятельство»²⁴.

Однако не исключается и судебное преследование рядовых преступников. Трибунал по бывшей Югославии даже вынес несколько приговоров в отношении простых исполнителей: Дражена Эрдемовича и Эсада Ландзо. На аргумент защиты, согласно которому дело простого солдата не должно было рассматриваться в Международном трибунале, судьи ответили, что, хотя Обвинитель и предполагает в самом деле преследовать в первую очередь, так сказать, власть имущих, им предусматривается и исключение из этого принципа для преступлений, отличающихся особенной жестокостью, которые были совершены лицами, не занимающими высокого служебного положения. Судьи подчеркнули, что деяния, в совершении которых обвиняется Ландзо, четко вписываются в это исключение²⁵.

Таким образом, провозглашенный приоритет вовсе не исключает продолжения преследования рядовых преступников каждый раз, когда суд сочтет его целесообразным. Однако именно в связи с этим возникает проблема перегруженности обоих трибуналов.

Последствия в области пресечения преступлений

Тот факт, что трибуналы оставляют за собой право судить кого угодно, не означает, что они собираются судить всех обвиняемых. Тем не менее, это имеет следствием рост числа обвинительных заключений, а также процессов, которые приходится проводить в Международных уголовных трибуналах в тех случаях, когда обвиняемые уже арестованы. Это разрастание объема работы при неизменном числе судей и камер²⁶ неизбежно вызывает

24 Tribunal pénal international pour le Rwanda, Chambre 1, *Affaire Kambanda*, n° ICTR-97-23-S, Jugement portant condamnation, 4 septembre 1998, par. 44.

25 Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie, Chambre de première instance, *Affaire Delalic, Mucic, Delic, Landzo*,

n° IT-96-21-T, Jugement, 16 novembre 1998, par. 1281.

26 За исключением случаев, когда Совет Безопасности принимает решение об увеличении их числа, как это уже имело место два раза.

перегруженность обоих учреждений. Судопроизводство замедляется, а продолжительность предварительного заключения до рассмотрения дела, по мнению международных судей, вот-вот превысит все разумные сроки. Именно в этом, в конечном счете, и кроется причина нынешнего состояния дел, при котором трибуналы завалены делами, и никто не в состоянии сказать, сколько потребуется времени для того, чтобы довести их до конца.

Еще одно негативное последствие для идеи международной уголовной юстиции состоит в том, что такая «открытая» уголовная политика побуждает трибуналы сосредотачивать у себя всю информацию о совершаемых преступлениях. Это лишает национальные суды необходимых доказательств в случаях, конечно, достаточно редких, когда они собираются провести расследование или возбудить судебное преследование. Согласно статье 41 Правил процедуры и доказывания Трибунала по бывшей Югославии «Обвинитель отвечает за сохранность, хранение и обеспечение неприкосновенности информации и вещественных доказательств, полученных в ходе расследований». В соответствии с этой статьей канцелярия Обвинителя имеет право опечатать все полученные ею доказательства и принять решение о их неразглашении, перекрыв к ним доступ и национальным следственным органам, которые могли бы при необходимости использовать их в рамках судебного преследования на внутригосударственном уровне. Никакая норма не предусматривает их передачи национальным властям, за исключением случаев, когда последние возбудили преследование против лица, которое Трибунал привлекает к суду в качестве обвиняемого²⁷. Хотя ничто не мешает национальным властям направить запрос о передаче некоторых доказательств, при условии, конечно, что им известно об их существовании, эта возможность никак процессуально не закреплена, так что в каждом конкретном случае по соответствующему запросу будет приниматься отдельное решение.

²⁷ Статья 11 бис Правил процедуры и доказывания Трибунала по бывшей Югославии.

Кроме перегрузки, которую испытывают следственные органы Международных уголовных трибуналов из-за необходимости собирать вещественные доказательства «обо всем и отовсюду», такая монополия на доказательства препятствует пресечению преступлений национальными судами. В то время как международные судебные инстанции достигли предела своей пропускной способности, национальные суды не могут нормально функционировать, потому что им не с чем работать... И страдает от этого вся совокупность мер по пресечению преступлений на международном и внутригосударственном уровнях, осуществление которых либо чрезмерно затягивается, либо вообще становится проблематичным, что только усиливает безнаказанность.

Как взаимодействуют в сфере пресечения преступлений юрисдикция международных трибуналов и юрисдикция национальных судебных инстанций

Подход, при котором Международные уголовные трибуналы без какого бы то ни было различия привлекают к суду всех лиц, участвовавших в совершении преступлений, свел на нет полезный эффект принципа параллельной юрисдикции, записанного в их Уставах. Это тем более досадно, что законодательство многих государств признает юрисдикцию национальных судей в отношении преступлений, совершенных в бывшей Югославии и Руанде.

Приоритет Международных уголовных трибуналов и параллельная юрисдикция национальных судов

Взаимоотношения между Международными уголовными трибуналами и национальными судебными учреждениями по уголовным делам определены в Уставе Трибунала по бывшей Югославии как приоритет первых и параллельная юрисдикция вторых. Статья 9 Устава Трибунала по бывшей Югославии гласит:

«1. Международный трибунал и национальные суды имеют параллельную юрисдикцию в отношении судебного преследования лиц за серьезные нарушения международного гума-

нитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1 января 1991 г.

2. Юрисдикция Международного трибунала имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов (...)».

То же правило устанавливается в статье 8 Устава Трибунала по Руанде.

Приоритет международных трибуналов позволяет им в любое время просить национальные суды прекратить производство по тому или иному делу: в таких случаях преследование, возбужденное национальными судьями, приостанавливается и дело передается международному трибуналу. Этот приоритет выражается и в том, что в случаях, когда по тому или иному делу международными трибуналами вынесено судебное постановление, национальные судебные инстанции не могут возбудить преследование в связи с тем же деянием. В Уставах трибуналов это правило изложено со ссылкой на принцип *non bis in idem*²⁸. И наоборот, национальные суды могут судить лиц, совершивших преступления, попадающие под юрисдикцию Трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, если последние не заявляют о своем приоритете, и вынесенные ими постановления сделают невозможным для международных трибуналов привлечение к ответственности в суде в качестве обвиняемого того же лица за одно и то же деяние, если не будет установлено, что разбирательство было проведено недобросовестно и что соответствующее деяние было неправильно квалифицировано²⁹.

Кроме этого, параллельная юрисдикция имеет следствием возможность для Международных уголовных трибуналов отказаться от своего приоритета в пользу национальных судов и предоставить им судить того или иного обвиняемого. Так, Душко

²⁸ О нормах, регламентирующих параллельную юрисдикцию см., в частности, F.Lattanzi. La primazia del Tribunale Penale internazionale per la ex-Iugoslavia sulle giurisdizioni interne. – *Rivista di Diritto internazionale*, 1996, pp. 597-619; P. Weckel. L'institution d'un Tribunal pénal international pour la répression des crimes de droit

humanitaire en Yougoslavie. – *Annuaire Français de Droit International*, 1993, pp. 232-261; H. Ascensio, dans Ascensio et al., *op. cit.* (примечание 10), pp. 728-729.

²⁹ Статья 10.2 Устава Трибунала по бывшей Югославии; статья 9.2 Устава Трибунала по Руанде.

Цветкович, обвинявшийся в совершении преступлений при нападении на деревню Кучице в 1992 г., предстал перед австрийским судом и был оправдан 13 мая 1995 г. Аналогичным образом, дело Рефича Сарича, который был охранником в лагере для военнопленных в Дретеле, рассматривалось в Дании, где он и был осужден в ноябре 1994 г.³⁰

Как указывалось выше, статья 11 бис Правил процедуры и доказывания Трибунала по бывшей Югославии предусматривает возможность приостановить действие обвинительного заключения, утвержденного Трибуналом, и предоставить осуществление судебного преследования обвиняемого судам государства, на территории которого он был арестован, если они этого желают. Пункт б) статьи позволяет Обвинителю передавать властям соответствующего государства всю информацию, которую он сочтет необходимой, что снимает трудность, возникающую в результате опечатывания вещественных доказательств. Эта статья была добавлена в Правила посредством поправки от 12 ноября 1997 г. Пока она не имеет аналога в Уставе Трибунала по Руанде.

Юрисдикция национальных судов в отношении преступлений, определенных в Уставах международных трибуналов

Преступления, подпадающие под юрисдикцию международных уголовных трибуналов, во многих случаях тем или иным образом относятся к компетенции национальных судов.

Прежде всего, бытует точка зрения, согласно которой утверждение параллельной юрисдикции национальных судов в статьях 9 и 8 в Уставах Международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде — «... трибунал и национальные суды имеют параллельную юрисдикцию в отношении судебного преследования ...» — достаточно для того, чтобы наделить национальные суды всех государств-членов ООН юрисдикцией в отношении

30 С. Bassiouni / P. Manikas. *The Law of International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia*. — Transnational Publishers Inc., New York, 1996, p. 316, note 40.

судебного преследования преступников. Однако такой подход представляется спорным, поскольку указанное положение носит слишком общий характер. Действительно, для определения и организации компетенций национальных судебных органов по осуществлению правосудия явно не достаточно просто сформулировать принципиальное положение, а требуется выделить в судебном аппарате каждого государства органы, которые будут осуществлять соответствующие полномочия. Очевидно, что такие детали выходят далеко за рамки круга вопросов, которые могут быть решены посредством резолюции Совета Безопасности. Конечно, на это можно возразить, что резолюция просто возлагает на государства обязанность предусмотреть юрисдикцию национальных судов, что означает необходимость принять на внутрисудебном уровне меры по приведению в соответствие правил, регулирующих подсудность, и внутренних процессуальных норм. Однако ни Уставы, ни резолюции, к которым они прилагаются, ни доклады Генерального секретаря ООН, комментирующие учреждение трибуналов, не содержат ни единого упоминания о такой обязанности. Юрисдикция национальных судов, упомянутая в статьях 9 и 8 Уставов Трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, выступает, следовательно, в том виде, в каком она предусмотрена национальным законодательством. Так что исходить следует из внутреннего права.

В соответствии с различными видами юрисдикции, традиционно устанавливаемыми в национальных законодательствах (территориальная, персональная активная и пассивная³¹), судебные органы государств, на территории которых были совершены преступления — государства, образовавшиеся в результате распада Югославии; Руанда и соседние государства, при условии, что преступления совершены руандийцами, — и государств гражданской принадлежности потерпевших компетентны рассматривать соответствующие дела. Некоторые страны, и не в последнюю

³¹ Общий разбор этих различных видов подсудности см. у А. Yokaris, in Ascensio *et al.*, *op. cit.* (примечание 10), pp. 897-904.

очередь Руанда, активно включились в пресечение преступлений, совершенных на их территории их гражданами или против них³².

На некоторые преступления, попадающие под юрисдикцию обоих трибуналов, распространяется, как это предусмотрено международными конвенциями, и универсальная юрисдикция³³ национальных судебных органов. Так обстоит дело по крайней мере с серьезными нарушениями Женевских конвенций 1949 г.³⁴, перечисленными в статье 2 Устава Трибунала по бывшей Югославии, с некоторыми нарушениями законов и обычаев войны, упомянутыми в статье 3 Устава, если они являются серьезными нарушениями Дополнительного протокола 1977 г.³⁵, а также с попытками (статья 5f)³⁶ того же Устава и статьи 3f) и 4a) Устава Трибунала по Руанде.

Однако реальный объем действия этих договорных норм зависит в большей степени от законодательных мер, принятых в каждом государстве для их конкретной имплементации. Ведь речь идет не просто об инкорпорировании принципа универсальной юрисдикции в национальное законодательство, а об определении его конкретного механизма и технических деталей. Какой суд будет компетентным? Требуется ли присутствие обвиняемого на территории страны? Сразу отметим, что не достаточно простого напоминания о том, что независимо от избранного государства порядка криминализации и пресечения преступлений, определенных в этих Конвенциях, их обязанности в этой области остаются неизменными. Что касается выполнения этих обязанностей национальными судебными учреждениями, здесь требуется подробное исследование соответствующих поло-

32 В Руанде несколько десятков тысяч человек находятся в предварительном заключении по обвинению в участии в геноциде 1994 г.

33 Общий разбор универсальной юрисдикции см. у G. Guillaume. *La compétence universelle. Formes anciennes et nouvelles*, dans *Droit pénal, droit européen – Mélanges offerts à Georges Levasseur*, Litec, Paris, 1992, pp. 23-36; G. de la

Pradelle, dans Ascensio *et al.*, *op. cit.* (примечание 10), pp. 905-918.

34 Универсальная юрисдикция предусмотрена в статье 49 ЖК I, статье 50 ЖК II, статье 129 ЖК III и статье 147 ЖК IV.

35 Статья 85 Протокола I.

36 Статья 5.2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания.

жений, предусмотренных во внутреннем праве государств. В свою очередь методы введения универсальной юрисдикции разнятся в различных государствах³⁷. Различают три основных типа методов, используемых государствами либо на альтернативной основе, либо с совмещением элементов различных методов.

Метод аналогии состоит в том, чтобы рассматривать преступления, определенные в международных конвенциях, как не отличающиеся от тех, которые предусматриваются национальным уголовным законодательством, и, следовательно, пресекать их на основе внутренних квалификаций. Государства, избирающие такой метод³⁸, как правило, распространяют универсальную компетенцию, порядок осуществления которой определен в национальном праве, на все нарушения, которые они обязались пресекать по международным конвенциям³⁹. Однако при этом могут возникнуть сложности с оценкой судьями непосредственной применимости вышеуказанных конвенций⁴⁰.

Бланкетный метод заключается в том, что национальное законодательство отсылает к положениям международных конвенций, определяющим правонарушение. Однако практический порядок осуществления универсальной юрисдикции должен быть подробно прописан в национальном законодательстве, поскольку конвенции не могут вдаваться в детали организации судебной системы государств⁴¹. С точки зрения оценки националь-

37 См. об этом, в частности, исследование Консультативной службы МККК по международному гуманитарному праву *Répression nationale des violations du droit international humanitaire (systèmes romano-germaniques)*, CICR, Genève, 1997.

38 Этот метод частично применяется Германией, Францией и большинством франкоязычных африканских стран.

39 См., например, статью 6.9 Уголовного кодекса Германии и статью 689 Уголовно-процессуального кодекса Франции.

40 См., в частности, противоречия во французской юриспруденции в деле *L'affaire Javor et les autres*: Cour de cassation,

Chambre criminelle, 26 mars 1996, и С. Lombois. De la compassion territoriale. – *Revue de la science criminelle et de droit pénal comparé*, 1995, pp. 399-403.

41 Так, в Швейцарии статья 109 Кодекса военной юстиции отсылает к определениям нарушений, которые содержатся в конвенциях, касающихся ведения военных действий, а статья 9 того же Кодекса распространяет свое действие на правонарушения, совершенные за границей, причем независимо от гражданской принадлежности исполнителя. Дания, Норвегия и Нидерланды придерживаются того же метода.

ными судьями непосредственной применимости конвенций у этого метода те же недостатки, что и у предыдущего.

Третий метод, так называемый *метод конкретного инкриминирования*, состоит в том, чтобы предусмотреть во внутреннем законодательстве преступления, соответствующие каждому конкретному нарушению, определенному в конвенциях. В этом случае закон, определяющий правонарушение, естественным образом наделяет суды соответствующего государства юрисдикцией в отношении его пресечения⁴². Третий метод устраняет сложности, связанные с применением международных конвенций национальными судьями, которым предлагается применять только внутригосударственное законодательство. Таким образом, именно в странах, придерживающихся третьего метода, универсальная юрисдикция порождает меньше всего проблем. В числе их большинство государств *общего права*, Бельгия, Испания, Эфиопия, Финляндия, Венгрия и большая часть стран Латинской Америки.

Кроме этого, законы, принятые в большинстве государств в целях обеспечения соответствия их внутреннего законодательства Уставам Международных уголовных трибуналов, признают юрисдикцию своих судебных учреждений по уголовным делам в отношении указанных преступлений. При подготовке настоящей статьи автор изучил соответствующие законы двадцати государств⁴³. Пятнадцать из двадцати законов предусматривают юрисдикцию национальных судов в отношении преступлений, определенных в Уставах Международных уголовных трибуналов⁴⁴; в пяти этот вопрос не освещается⁴⁵; и ни один не исключает ее явным образом. Среди пятнадцати упомянутых выше законов, предусматривающих юрисдикцию национальных судов в отношении

42 Отметим, что этого метода придерживается право США, которое при этом не признает юрисдикции международных трибуналов. См. U.S. War Crimes Act 1996, 21 августа 1996 г., в *International Legal Materials*, 1996, p. 1540.

43 Точные названия этих законов приведены в приложении.

44 Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Италия, Испания, Норвегия, Румыния, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция.

45 Австралия, Исландия, Нидерланды, Новая Зеландия, США.

пресечения преступлений, определенных в Уставах, законы Дании, Греции, Румынии и Франции распространяют универсальную юрисдикцию своих судов на все указанные преступления. В одиннадцати других странах компетенция национальных судов, очевидно, определяется общими нормами, касающимися подсудности, и, как правило, предусматривает универсальную юрисдикцию, по крайней мере, в отношении преступлений, определенных в международных конвенциях.

Наконец, ничто не препятствует тому, чтобы страны, законодательство которых признает универсальную юрисдикцию, распространили этот принцип на преступления, определенные в Уставах, либо посредством принятия нового закона, либо путем заключения с Международными уголовными трибуналами соглашения о рассмотрении дела того или иного обвиняемого национальными судами.

К новым формам работы: судить и передавать некоторых обвиняемых национальным судам

Так как Международные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде обладают преимущественной юрисдикцией, а национальные суды компетентны, если не полностью, то хотя бы частично, пресекать преступления, определенные в Уставах этих Трибуналов, последние можно было бы несколько разгрузить, частично передав национальным судам функции по пресечению в порядке универсальной юрисдикции.

Конечно, национальные суды государств, на территории которых были совершены преступления, могут рассматривать дела некоторых подсудимых и на основании своей территориальной юрисдикции, однако суды государств, которые, как Руанда и Босния и Герцеговина, желают обеспечить пресечение нарушений гуманитарного права, уже работают с огромной нагрузкой, и увеличивать ее еще больше было бы нецелесообразно. Поэтому предпочтение следует отдать передаче дел национальным судам других государств, в основном в порядке осуществления их универсальной юрисдикции.

Такое решение изучалось, по крайней мере в предварительном порядке, Международными уголовными трибуналами, и в связи с этим говорилось о своего рода «делокализации» судебного преследования. Однако из-за технических препятствий и теоретических возражений вплоть до сегодняшнего дня считается нецелесообразным рассматривать такую постановку вопроса в качестве актуальной.

Технические препятствия

С технической точки зрения такая «делокализация» не только совместима с Уставами обоих Трибуналов, но и соответствует им, так что она не потребует каких бы то ни было новых поправок. Исходя из приоритета юрисдикции Международных трибуналов, статьи 9 и 8.2 обоих Уставов оставляют полностью на их усмотрение вопрос о том, судить ли самим того или иного обвиняемого или передать рассмотрение его дела одному из национальных судов. Однако главное заключается в том, что данные статьи позволяют Трибуналу снова принять дело к производству и получить в свое распоряжение обвиняемого, если национальные судьи не справятся надлежащим образом с порученной им задачей.

Создание такой системы с технической точки зрения потребует только принятия ряда соответствующих положений в рамках Правил процедуры и доказывания обоих Международных трибуналов. Такие изменения могут быть внесены без вмешательства Совета Безопасности ООН путем простого голосования судей⁴⁶.

Как указывалось выше, статья 11 бис Правил процедуры и доказывания Трибунала по бывшей Югославии предусматривает возможность приостановить действие обвинительного заключения, если судебное преследование начато в национальном суде. Ситуация, описываемая в данной статье, несколько отлична от рассмотренной ранее. Речь идет о ситуации, в которой власти страны, на территории которой было арестовано лицо, привлеченное к суду в качестве обвиняемого Международным трибуналом

⁴⁶ Статья 6 Правил процедуры и доказывания Трибунала по бывшей Югославии.

по бывшей Югославии, желают осуществить судебное преследование самостоятельно. Если Судебная камера сочтет целесообразным рассмотрение дела судом этого государства, она может своим решением приостановить действие судебного заключения и разрешить продолжить судебное преследование на национальном уровне. Обвинитель имеет право направить наблюдателей, чтобы они следили за ходом процесса от его имени. При этом в любой момент до вынесения приговора национальным судом Судебная камера может отменить свое предыдущее решение и потребовать, чтобы национальный суд прекратил производство по делу и передал обвиняемого в распоряжение Трибунала. Государство, суд которого получил распоряжение о прекращении производства по делу, должно немедленно выполнять просьбу о передаче в соответствии с общей обязанностью сотрудничать, которая предусмотрена статьей 29 Устава Трибунала.

Хотя в статье 11 бис рассматриваются исключительно случаи, когда власти государства, где был арестован обвиняемый, желают осуществить его судебное преследование, ее положения следует распространить и на все ситуации, когда Международный трибунал решает передать обвиняемого, уже находящегося в его распоряжении, властям того или иного государства, чтобы его дело было рассмотрено в суде этого государства. Так что формулировка пункта (А) Правила 11 бис могла бы быть изменена следующим образом: «В случаях, когда, действуя по собственной инициативе или по ходатайству Обвинителя, Судебная камера выносит заключение о том, что: i) власти государства-члена Организации Объединенных Наций желают, чтобы судебное преследование было осуществлено его судебными учреждениями, и что ii) в сложившихся обстоятельствах целесообразно принятие дела в производство судом указанного государства, Судебная камера может, выслушав мнение обвиняемого, уже находящегося в ее распоряжении, приостановить действие обвинительного заключения в отношении данного лица до начала разбирательства по его делу в национальном суде».

Естественно, непременным условием такой передачи должно стать заключение соглашения между Трибуналом и соответствующим государством. Можно представить себе, что в соот-

ветствии с таким соглашением Трибунал согласился бы передать обвиняемого вместе с находящимися в его распоряжении обвинительными и оправдательными доказательствами⁴⁷ и оказать помощь властям данного государства в осуществлении всех дополнительных следственных действий. Со своей стороны, эти власти могли бы взять на себя обязательство подвергнуть обвиняемого судебному преследованию в кратчайшие сроки в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом данного государства, на основании обвинений и квалификаций, содержащихся в международном обвинительном заключении. Им следует также согласиться с осуществлением представителями Канцелярии Обвинителя Международного трибунала контроля за ходом разбирательства и применять в случае признания обвиняемого виновным только наказания, соответствующие Уставу Трибунала, то есть воздержаться от вынесения смертного приговора. Хотя условие, касающееся заключения соглашения, не обязательно формулировать явным образом — Судебная камера откажет в приостановке действия обвинительного заключения до заключения такого соглашения, — но необходимость этого соглашения может быть отмечена в тексте статьи 11 бис. К условиям i) и ii) пункта А) можно было бы добавить третье условие «о достижении договоренности между Трибуналом (или Обвинителем) и властями соответствующего государства о порядке осуществления судебного преследования в национальных судах».

Хотя заключение такого рода соглашений породило бы ряд технических проблем, ни одна из них не кажется абсолютно непреодолимой. Трибунал должен идти на заключение соглашений только с государствами, уголовно-процессуальное законодательство которых обеспечивает соблюдение основных судебных гарантий, упомянутых в Уставе⁴⁸.

Юрисдикция национальных судов в отношении преступлений, определенных в Уставе, является непререкаемым пред-

47 Несмотря на преимущественно обвинительный характер процедуры в Трибунале по бывшей Югославии, в обязанности Обвинителя входит изучение как обвинительных, так и оправдательных доказа-

тельств. Статья 68 Правил процедуры и доказывания предусматривает передачу Обвинителем доказательств, опровергающих обвинение, защите.

48 Статья 21 Устава МУТЮ.

варительным условием рассмотрения дел ими. При этом следует отметить, что в государствах, где международные договоры инкорпорируются в иерархию внутренних норм, эта юрисдикция могла бы быть установлена или дополнена соглашением о передаче обвиняемого. В остальных странах заключение такого соглашения могло бы стать поводом для принятия мер по обеспечению соответствия их внутреннего права Уставу Трибунала и по распространению законодательным путем универсальной юрисдикции национальных судов на преступления, определенные в Уставе.

Порядок надзора Обвинителя за судебным преследованием на внутрисударственном уровне и использованием переданных доказательств, в том числе за представлением доказательств защите и их возвращением Трибуналу по завершении процедуры, должен быть определен в соглашении. Можно было бы предусмотреть и передачу только копий доказательств, аутентичность которых гарантировалась бы соглашением.

Наконец, было бы логичным, чтобы в случае признания обвиняемого виновным наказание отбывалось в стране вынесения приговора также под контролем Трибунала⁴⁹.

Такую практику можно критиковать за то, что она не свободна от элемента случайности, поскольку в результате обвиняемый подпадет под действие процессуальных норм, сильно различающихся между собой в зависимости от страны, в которой организован процесс. Так, обвиняемый рискует быть подвергнутым инквизиционной процедуре, в то время как процедура в Международном трибунале носит обвинительный характер. Мы воздержимся от вынесения оценочных суждений о преимуществах и недостатках каждого из этих процессуальных режимов с точки зрения обвиняемого, но не преминем напомнить следующие четыре пункта:

В Уставе Трибунала ничего не сказано о выборе той или иной процедуры;

49 Статья 104 Правил процедуры и доказывания Трибунала по бывшей Югославии.

Статья 20.3 Устава оставляет за обвиняемым право признавать или не признавать себя виновным. Различия между инквизиционным и обвинительным режимами касаются не возможности такого выбора, а его последствий;

Процедура, применяемая Международным трибуналом, носит в действительности смешанный характер, поскольку в ней присутствуют элементы, присущие обвинительной⁵⁰ и инквизиционной системам⁵¹;

Статья 11 бис Правил процедуры и доказывания в своей нынешней редакции и статья 9.1 Устава, предусматривающая параллельную юрисдикцию национальных судов, имеют один и тот же недостаток.

Вопрос о передаче некоторых обвиняемых в распоряжение национальных судов может рассматриваться как Трибуналом по бывшей Югославии, так и Трибуналом по Руанде. Однако Правила процедуры и доказывания последнего не содержат в их нынешней редакции ни одной нормы, эквивалентной статье 11 бис Правил процедуры и доказывания МУТЮ. Это упущение необходимо устранить.

И все же главной проблемой для осуществления этого подхода остается поиск государств, готовых взять на себя организацию таких процессов. В самом деле, уголовное преследование не сводится к простому вопросу о юрисдикции. При его реализации учитываются критерии целесообразности и уголовной политики, к которым примешиваются в случае преследования международных преступников, действовавших по инструкции властей третьего государства, еще и дипломатические соображения. Какое государство завтра проявит готовность, особенно учитывая снятие санкций с Союзной Республики Югославия, привлечь к суду в качестве обвиняемого одного из ее официальных представителей?

50 Следует обратить внимание на значение, придаваемое заявлению подсудимого о признании вины. Если обвиняемый решает признать свою вину, собственно процесс становится ненужным, и можно сразу переходить к назначению наказания.

51 Как указывалось выше, Обвинитель Трибунала в сфере проведения расследования наделен всеми полномочиями следственного судьи и производит сбор как обвинительных, так и оправдательных доказательств.

Опыт показал нежелание государств пресекать нарушения международного гуманитарного права в порядке осуществления универсальной юрисдикции⁵².

Однако в дипломатическом плане организация процесса в сотрудничестве с Международными уголовными трибуналами имела бы также ряд преимуществ для государства, которое пошло бы на это. Для него это дало бы возможность продемонстрировать добрую волю в отношении пресечения преступлений и влиться в категорию «добродетельных государств» вслед за государствами-единомышленниками, которые на Римской конференции выступили в поддержку учреждения Международного уголовного суда. Это – аргумент, к которому Международные уголовные трибуналы могли бы прибегать, когда требуется склонить государства к организации процессов над определенными преступниками.

Теоретические возражения

Зачем надо было создавать Международные уголовные трибуналы, если судить преступников в конечном счете приходится национальным судам? Этот теоретический вопрос тем более весом, что описываемое решение поставило бы под сомнение реализм концепции международного уголовного правосудия и непременно отразилось бы на процессе создания Международного уголовного суда. Дело в том, что, несмотря на принятие Римского статута 17 июля 1998 г., вступление в силу конвенции о его учреждении пока нельзя считать достигнутым: из необходимых шестидесяти ратификаций на 31 декабря 2000 г. в наличии было всего двадцать семь. Если передачу некоторых обвиняемых Международными уголовными трибуналами в национальные суды для рассмотрения их дел воспринимать как показатель их провала, провалом может закончиться и учреждение Международного уголовного суда. При таком взгляде на вещи рассматриваемое реше-

⁵² Y. Sandoz. Penal Aspects of International Humanitarian Law, in M.C. Bassiouni (éd.), *International Criminal Law – Vol. 1:*

Crimes, Transnational Publishers, New York, 1986, pp. 209-232.

ние следует отменить. Однако такая постановка вопроса в корне неверна по нескольким причинам.

Во-первых, без вмешательства Международных уголовных трибуналов арест обвиняемых и разбирательство по их делам, будь то в самих Трибуналах или в национальных судах, были бы невозможны, поскольку только у Международных уголовных трибуналов есть авторитет, достаточный для того, чтобы потребовать от государства, на территории которого находится преступник, его ареста и передачи. В соответствии с Уставами Трибуналов на государства возлагается общая обязанность сотрудничать с ними⁵³. Уклоняющиеся от ее выполнения страны рискуют навлечь на себя санкции Совета Безопасности. Правда, до сих пор этот авторитет не позволил арестовать всех преступников, а некоторые государства до сих пор отказываются выполнять ордера на арест, выданные Трибуналами. Возьмем, к примеру, упорное нежелание нового президента Югославии Воислава Коштуницы передать в распоряжение МУТЮ своего предшественника на этом посту Слободана Милошевича, причем в условиях, когда принятие новых санкций в отношении Союзной Республики Югославии не входит в планы Совета Безопасности. И все же авторитет Международных уголовных трибуналов позволил им арестовать несколько обвиняемых, чего не смогло бы сделать ни одно государство.

Во-вторых, без возбуждения уголовных дел канцелярией Обвинителя Международных уголовных трибуналов было бы невозможно собрать информацию и доказательства, необходимые для осуждения обвиняемых. Географическая отдаленность и невозможность производить следственные действия и сбор доказательств — вот главное препятствие, с которым сталкиваются национальные суды при пресечении преступлений в порядке осуществления универсальной юрисдикции. Это препятствие настолько очевидно и непреодолимо, что оно используется в качестве предлога властями государств, которые не желают возбуждать уголовное преследование на основании универсальной юрисдик-

53 Статья 29 Устава Трибунала по бывшей Югославии; статья 28 Устава Трибунала по Руанде.

ции. В рамках рассматриваемого решения вопроса национальные суды, принявшие к производству дело лица, привлеченного к суду в качестве обвиняемого Международными уголовными трибуналами, получали бы в свое распоряжение все доказательства – обвинительные и оправдательные, – собранные Обвинителем. Препятствие, связанное с удаленностью, устраняется. Национальные суды получают доступ к массе доказательств, которых они никогда не смогли бы получить, если бы не работа международных следственных органов. И в этом случае существование Международных уголовных трибуналов позволяет судить преступников, где бы ни происходило разбирательство – в одной из их Судебных камер или в суде того или иного государства.

В-третьих, передавать в национальные инстанции по уголовным делам следует не всех обвиняемых, а только некоторых, в частности тех, кто занимал подчиненное положение в иерархии власти, которая находилась, так сказать, у истоков совершенных преступлений. Продемонстрировав свою способность судить преступников всех рангов и решать юридические проблемы, возникающие в связи с процессами над ними, Международные уголовные трибуналы могли бы вернуться к упоминавшейся выше традиции международных судебных инстанций по уголовным делам и сосредоточить свои усилия на преследовании главных преступников. Такое разделение труда соответствовало бы символическому значению международной уголовной юстиции. К тому же, преследование главных преступников превышает возможности национальных судов и порождает последствия дипломатического характера, с которыми не может справиться одна отдельно взятая страна (как мы смогли в этом убедиться на примере Пиночета). С этой точки зрения рассмотрение дел главных преступников полностью оправдало бы существование международных уголовных трибуналов, при условии, что остальными занялись бы национальные суды.

Упомянем также о том, что рассматриваемое решение вопроса имеет целью снизить рабочую нагрузку Международных уголовных трибуналов и позволить им сконцентрировать свои усилия на преследовании главных преступников. И от этого их преследование ускорилося бы и стало более действенным. Как было показано в начале статьи, растягивание сроков рассмотрения дел в

Международных уголовных трибуналах имеет следствием увеличение расходов на их содержание. И наоборот, сокращение этих сроков обязательно привело бы к экономии средств. Такой экономический аргумент оценили бы государства, которые находят чрезмерными нынешние расходы на содержание международной уголовной юстиции. Международные уголовные трибуналы могли бы на него ссылаться, чтобы склонить государства к рассмотрению дел некоторых обвиняемых в их судах.

Еще один аргумент. Сейчас уже нет нужды доказывать полезность Международных уголовных трибуналов. Они проделали огромную работу, причем мы имеем в виду не только вынесенные ими обвинительные заключения, но и их вклад в развитие юриспруденции. Их судебная практика стала важным источником международного уголовного права и права вооруженных конфликтов. Среди ценнейших наработок Трибуналов следует упомянуть тот факт, что благодаря их усилиям были инкриминированы серьезные нарушения международного гуманитарного права, применимого в вооруженных конфликтах немеждународного характера, и были сформулированы определение вооруженного конфликта и ныне действующие критерии вменяемости деяний, совершенных вооруженными группировками, государствам.

Наконец, организация процессов над преступниками в национальных судах как раз идет в русле развития международной уголовной юстиции, направление которого задал Статут будущего Международного уголовного суда. Римский статут вносит в организацию международной уголовной юстиции значительные изменения по сравнению с нынешней схемой, преобладающей в работе МУТЮ и МУТР. На смену преимущественной юрисдикции приходит принцип дополнительности будущего Международного уголовного суда: «Суд дополняет национальные системы уголовного правосудия»⁵⁴. Задача пресечения серьезных нарушений международного гуманитарного права возлагается в первую очередь на национальные суды, а Международный уголовный суд

⁵⁴ Статья 1 Статута Международного уголовного суда.

осуществляет свою юрисдикцию только тогда, когда они с ней не справляются или отказываются от ее осуществления⁵⁵.

Тот факт, что действующие Международные трибуналы предвосхищают это развитие и всемерно способствуют тому, чтобы национальные суды осуществляли свою универсальную юрисдикцию в отношении преступлений, определенных в их Уставах, не может отрицательно сказаться на создании Международного уголовного трибунала. Наоборот, передавая национальным судам дела некоторых преступников и собранные доказательства, Трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде доказывают осуществимость пресечения международных преступлений национальными судами на основании принципа универсальной юрисдикции. Они показывают, что система, задуманная в Риме, работает и способствует тому, что все большее число государств осуществляют пресечение серьезных нарушений международного гуманитарного права в рамках своей уголовной системы. В любом случае, эта деятельность рассеивает немало сомнений относительно функционирования будущего Суда.

Заключение

Будущее международной уголовной юстиции в первую очередь связано с национальными судебными учреждениями по уголовным делам. Государства избрали этот многообещающий, но и рискованный подход, записав принцип дополнительности в статье 1 Римского статута будущего Международного уголовного суда. И все же еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем национальные судебные учреждения по уголовным делам смогут эффективно осуществлять свою юрисдикцию в отношении преследования международных преступников. Просматривается и определенное нежелание пресекать преступления, совершенные за границей иностранцами и против иностранцев, если эти преступления не затрагивают общественного порядка в соответствующей стране. Даже в странах, которые приняли принцип универ-

⁵⁵ Статья 17 Статута Международного уголовного суда.

сальной юрисдикции, национальные судьи еще не осознали необходимость охраны международного правопорядка.

Учреждение Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде сыграло решающую роль в возобновлении процесса создания будущего Международного уголовного суда. Теперь, с принятием Статута МУС, специальным Трибуналам надлежит доказать жизнеспособность принципа дополнительности, принятой в Риме, способствуя развитию пресечения международных преступлений национальными судами в порядке осуществления универсальной юрисдикции. Подобно тому как МККК распространяет знания и информацию о международном гуманитарном праве, Международные уголовные трибуналы должны пропагандировать принцип универсальной юрисдикции среди государств, если они хотят подготовить уголовную юстицию завтрашнего дня.

Такая деятельность могла бы вписаться в активные усилия по налаживанию партнерских отношений с национальными судами с целью передачи им некоторых обвиняемых, ожидающих начала процесса над ними. Каждый прецедент судебного преследования на основании принципа универсальной юрисдикции станет демонстрацией его эффективности и жизненности. Передавая национальным судам, выражающим готовность взять на себя организацию процесса, доказательства, собранные следственными службами Обвинителя, Международные уголовные трибуналы снимут одну из сложнейших технических проблем такого пресечения, связанную с проведением следственных мероприятий за границей. Так что представляется уникальной возможностью довести до конца разбирательство по делам, открытым на основании принципа универсальной юрисдикции, причем в условиях, когда авторитет и преимущественная юрисдикция Трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде делают возможным эффективный надзор за ходом рассмотрения дел и позволяют потребовать возвращения обвиняемого и изъятия доказательств, если национальные судьи не справляются со своими обязанностями.

В условиях, когда высокая стоимость функционирования обоих Трибуналов и длительные сроки рассмотрения дел вы-

зывают озабоченность, которая используется некоторыми для того, чтобы поставить под вопрос целесообразность институционализации международной уголовной юстиции посредством создания постоянно действующего Суда, необходимо напомнить государствам об ответственности, которую они приняли на себя в Риме: осуществлять силами национальных судов пресечение международных преступлений. Трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде должны предложить государствам самим организовать процессы над некоторыми обвиняемыми на основании переданных им доказательств. Это не только снизит нагрузку обоих Трибуналов, освободив их от необходимости рассматривать дела некоторых второстепенных преступников, но и позволит им подготовить национальные суды к выполнению миссии, которая будет на них возложена в рамках будущей международной уголовной юстиции.

Приложение

**Законы, принятые различными государствами
в целях обеспечения соответствия
национального законодательства Уставам
Международных уголовных трибуналов⁵⁶**

Австралия: Statutory Rules 1995, n° 250, 22 août 1995, dans Amnesty International, *International Criminal Tribunals : Handbook for government cooperation*, suppl. 1, août 1996 (бывшая Югославия и Руанда)

Австрия: Loi fédérale de coopération avec les Tribunaux internationaux, entrée en vigueur le 1er juin 1996 (par. 4), dans Amnesty International, *International Criminal Tribunals : Handbook for government cooperation*, suppl. 1, août 1996 (бывшая Югославия и Руанда)

Бельгия: Loi du 22 mars 1996 (art. 8), *Moniteur Belge*, 27 avril 1996, p. 10260 (бывшая Югославия и Руанда)

Великобритания: Order 1996, n° 716, entré en vigueur 15 mars 1996 (art. 14 – бывшая Югославия) и Order 1996, n° 1296, 17 mai 1996 (art. 14 – Руанда), dans Amnesty International, *International Criminal Tribunals : Handbook for government cooperation*, suppl. 3, August 1996 (бывшая Югославия и Руанда)

Венгрия: Loi n° XXXIX, mai 1996 (art. 1), dans Amnesty International, *International Criminal Tribunals : Handbook for government cooperation*, suppl. 2, août 1996 (бывшая Югославия)

Германия: Loi du 10 avril 1995 (art. 2), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1995, pp. 344-347 (бывшая Югославия)

Греция: Loi n° 2665, 17 décembre 1998 (art. 3), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1998, pp. 366-370 (бывшая Югославия и Руанда)

⁵⁶ Номера статей, указанные в скобках, относятся к юрисдикции национальных судебных органов.

- Дания:* Loi n° 1099 du 21 décembre 1994 (par. 1), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1994, pp. 164-165 (бывшая Югославия)
- Исландия:* Loi n° 49 du 28 avril 1994, dans Amnesty International, *International Criminal Tribunals : Handbook for government cooperation*, suppl. 2, août 1996 (бывшая Югославия)
- Испания:* Loi organique 15/1994 du 1er juin 1994 (art. 1 и 4), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1994, pp. 166-170 (бывшая Югославия)
- Италия:* Décret-loi n° 544 du 28 décembre 1993 (art. 4), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1994, pp. 176-183 (бывшая Югославия)
- Нидерланды:* Décret du 21 avril 1994, *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1994, pp. 187-192 (бывшая Югославия)
- Новая Зеландия:* Loi du 9 juin 1995, *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1995, pp. 359-360 (1996 (бывшая Югославия и Руанда)
- Норвегия:* Loi n° 508 du 24 juin 1994 (art. 5), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1994, pp. 184-186 (бывшая Югославия)
- Румыния:* Loi n° 159 du 28 juillet 1998 (art. 6-7), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1998, pp. 363-365 (бывшая Югославия)
- США:* Judicial Assistance Act, Pub. L. 104-106, Div. A, Title XIII, Sec. 1342, 10 February 1996, 110 Stat. 486, dans Amnesty International, *International Criminal Tribunals : Handbook for government cooperation*, suppl. 3, août 1996 (бывшая Югославия и Руанда)
- Финляндия:* Loi du 5 janvier 1994/12 (art. 3), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1994, pp. 171-175 (бывшая Югославия)
- Франция:* Loi n° 95-1 du 2 janvier 1995 (art. 2), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1995, pp. 354-358 (бывшая Югославия), Loi n° 96-432 du 22 mai 1996 (art. 2), J.O. 23 mai 1996, p. 7695 (Руанда)

Швейцария. Arrêté fédéral du 21 décembre 1995 (art. 9), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1995, pp. 335-343 (бывшая Югославия и Руанда)

Швеция: Loi du 1er juillet 1994 (art. 13), *Annuaire du Tribunal pénal international pour l'ex-Yougoslavie*, 1994, pp. 193-198 (бывшая Югославия), Loi modifiant la loi du 1er juillet 1994, 7 décembre 1995, dans Amnesty International, *International Criminal Tribunals : Handbook for government cooperation*, suppl. 3, août 1996 (Руанда).